

А.Л. Беглов*

**САМИЗДАТ В СОСТАВЕ АРХИВА ТАЙНЫХ
МОНАШЕСКИХ ОБЩИН ВЫСОКО-ПЕТРОВСКОГО
МОНАСТЫРЯ В МОСКВЕ (1920–1950-Е ГОДЫ).
К ВОПРОСУ О ФЕНОМЕНЕ ЦЕРКОВНОГО САМИЗДАТА**doi:10.31518/2618-9100-2024-2-6
УДК 93/94+930.253*Выходные данные для цитирования:**Беглов А.Л. Самиздат в составе архива тайных монашеских общин Высоко-Петровского монастыря в Москве (1920–1950-е годы). К вопросу о феномене церковного самиздата // Исторический курьер. 2024. № 2 (34). С. 79–98.**URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-2-06.pdf>*

A.L. Beglov*

**SAMIZDAT IN THE ARCHIVE OF SECRET MONASTIC
COMMUNITIES OF THE VYSOKO-PETROVSKY MONASTERY
IN MOSCOW (1920–1950S). TO THE QUESTION
OF THE PHENOMENON OF CHURCH SAMIZDAT**

doi:10.31518/2618-9100-2024-2-6

*How to cite:**Beglov A.L. Samizdat in the Archive of Secret Monastic Communities of the Vysoko-Petrovsky Monastery in Moscow (1920–1950s). To the Question of the Phenomenon of Church Samizdat // Historical Courier, 2024, No. 2 (34), pp. 79–98.**[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-2-06.pdf>]*

Abstract. The article gives an overview of the monuments of church samizdat of the 1920–1950s, preserved in the archive of secret monastic communities of the Moscow Vysoko-Petrovsky Monastery. The chronological framework of the work was not chosen by chance. It was during this period that the Vysoko-Petrovsky communities retained a unified leadership, and the texts circulating in them characterise the reading circle not of individual believers, but of all communities. The author shows that thematically the samizdat component of the Vysoko-Petrovsky archive is divided into two unequal parts: 1) copies of liturgical, prayer texts and services; 2) copies of ascetic works. The archive of the secret communities of the Vysoko-Petrovsky Monastery contains six monuments of liturgical samizdat. The works of ascetic orientation in the Petrovsky archive can also be divided into two blocks: 1) texts copied from printed editions or other manuscript originals, the origin of which is not connected with the Vysoko-Petrovsky communities; 2) texts that appeared within these communities themselves. The second group is the most numerous in terms of both the number of titles and the number of preserved copies. Intra-community samizdat was born in the context of ascetic monastic practices, increased attention to the word of spiritual leaders, and the skill of “revelation of thoughts”. These works show the self-reflection of the Zosimov-Petrovsky tradition, expressed in the comprehension of the experience of its founders and bearers. At the same time, there are no monuments of church polemics of the 1920s–1930s in the preserved part of the Vysoko-Petrovsky archive, which most likely indicates the elitist nature of this polemic. In conclusion, the author reflects on the phenomenon of church samizdat. He suggests extending the chronological framework of the concept of samizdat to the entire Soviet period and draws attention to the fact that, apparently, church samizdat is the earliest example of samizdat of the Soviet era.

Keywords: history of the Russian Orthodox Church of the 20th century, secret monastic communities, Vysoko-Petrovsky Monastery, sources on the history of the Church, church archives, samizdat, monastic writing.

* **Алексей Львович Беглов**, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: al.beglov@igh.ru
Alexey L’vovich Beglov, Doctor of Historical Sciences, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: al.beglov@igh.ru

The article has been received by the editor on 01.02.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье дается обзор памятников церковного самиздата 1920–1950-х гг., сохранившихся в архиве тайных монашеских общин московского Высоко-Петровского монастыря. Хронологические рамки работы выбраны неслучайно. Именно в этот период высоко-петровские общины сохраняли единое руководство, а тексты, имевшие в них хождение, характеризуют круг чтения не отдельных верующих, а всех общин. Автор показывает, что тематически самиздатская составляющая высоко-петровского архива делится на две неравные части: 1) копии литургических, богослужебных текстов и последований; 2) копии произведений аскетической направленности. В архиве тайных общин Высоко-Петровского монастыря представлены шесть памятников литургического самиздата. Произведения аскетической направленности в петровском архиве также можно разделить на два блока: 1) тексты, скопированные с печатных изданий или иных рукописных оригиналов, происхождение которых не связано с высоко-петровскими общинами; 2) тексты, которые появились внутри самих этих общин. Причем вторая группа как по числу наименований, так и по количеству сохранившихся копий самая многочисленная. Внутриобщинный самиздат рождался в контексте аскетических монашеских практик, повышенного внимания к слову духовных наставников, выработанного навыком «откровения помыслов». Эти произведения отражают саморефлексию зосимовско-петровской традиции, выражавшуюся в осмыслении опыта ее основателей и носителей. При этом в сохранившейся части высоко-петровского архива отсутствуют памятники церковной полемики 1920–1930-х гг., что, скорее всего, указывает на элитарный характер этой полемики. В заключение автор размышляет о феномене церковного самиздата. Он предлагает расширить хронологические рамки понятия «самиздат» на весь советский период и обращает внимание на то, что, видимо, именно церковный самиздат является самым ранним примером самиздата советской эпохи.

Ключевые слова: история Русской православной церкви XX в., тайные монашеские общины, Высоко-Петровский монастырь, источники по истории церкви, церковные архивы, самиздат, монашеская письменность.

Статья поступила в редакцию 01.02.2024 г.

В настоящей статье мы рассмотрим особую категорию текстов, дошедших до нас в составе архива тайных монашеских общин московского Высоко-Петровского монастыря. Это тексты, которые мы можем интерпретировать как памятники церковного самиздата. Однако такая интерпретация требует обоснования и заставляет нас присоединиться к дискуссии о том, что такое самиздат, каковы границы этого феномена. Но сначала необходимо напомнить вехи истории высоко-петровских монашеских общин и их архива.

Тайные монашеские общины возникли при храмах московского Высоко-Петровского монастыря во второй половине 1920-х гг. после того, как в столицу перешли несколько духовников закрытой в 1923 г. мужской Зосимовой пустыни, известного в начале XX в. центра духовного руководства. Вокруг этих (первоначально пяти) духовников и сложились монашеские общины, объединенные одной аскетической традицией и общим руководством, которое они сохраняли до конца 1950-х гг. Общины носили смешанный характер, т.е. состояли из юношей и девушек в основном 20–30 лет. Они продолжали расти и в первой половине 1930-х гг. К середине этого десятилетия их численность достигла 170–200 постриженников. Это была самая крупная тайная монашеская община советского периода из известных нам сегодня¹.

¹ Беглов А.Л. Архиепископ Варфоломей (Ремов): Argumentum advocati Dei. Настоятель Высоко-Петровского монастыря по материалам архивов его прихожан // Церковь в истории России. М., 2003. Вып. 5. С. 232–233;

Руководители петровских общин ставили своей задачей сохранение православной аскетической традиции в любых, даже самых неблагоприятных условиях. Их послушники и послушницы работали на светской работе, которую были приучены воспринимать как монастырское послушание. В 1924–1935 гг. петровцы вынуждены были сменить несколько храмов. В 1935 г. московский центр их общин был разгромлен, а часть духовников арестована и погибла в заключении. Однако уцелевшие члены общин перешли под руководство зосимовских наставников, служивших вне Москвы, и как единое целое продолжали существовать до 1959 г., когда скончался последний зосимовский старец. С этого момента члены высоко-петровских общин не имели единого руководства, но поддерживали между собой связи; некоторые из них дожили до начала XXI в.

Постриженницы петровских отцов сохранили значительный объем документов самого разнообразного характера. Это уникальное архивное собрание, которое позволяет взглянуть на жизнь петровских общин глазами их членов и руководителей, а не карательных органов². В его составе до нас дошли девять личных архивов постриженниц и прихожанок Высоко-Петровского монастыря, в которых находятся материалы, освещающие жизнь и деятельность шести наставников петровских общин и их духовных семей. Это собрание исключительно разнообразно по сохранившимся в нем типам документов. Среди них – проповеди настоятеля монастыря епископа Варфоломея (Ремова), письма духовных руководителей и их ответы на «откровение помыслов», воспоминания и тексты, которые мы относим к церковному самиздату и на характеристике которых остановимся подробнее.

В этой статье мы будем говорить только о памятниках самиздата 1920–1950-х гг., т.е. тех, которые были созданы в период совместного существования общин. Таким образом, они свидетельствуют о редакторских и читательских практиках, существовавших в общинах в ту эпоху. Сделать данную оговорку необходимо, так как петровские прихожанки и постриженницы хранили и более поздние самиздатские тексты (1950–1970-х гг.), характеризующие уже не круг чтения общины, а лишь отдельных ее членов. (Это, например, фрагменты поучений преподобного Силуана Афонского, отдельные слова Иоанна Златоуста, анонимная машинопись «Сокровенная Русь», рассказывающая о Спасо-Преображенской Елгавской пустыни, и т.п.)

Следует отметить, по какому критерию мы выделяем самиздат среди других составляющих высоко-петровского архива. По нашему мнению, любое копирование, особенно в условиях антицерковных преследований 1920–1930-х гг., указывает на ситуацию самиздата, даже если до нас дошла только одна копия какого-либо произведения. Поэтому если какое-то письмо петровского духовника обнаруживается в архиве более чем в одном экземпляре, мы можем считать это самиздатом. Также к самиздату можно отнести записанную не ее автором проповедь, сохранившуюся даже в одном экземпляре, поскольку «авторский экземпляр» проповеди – это ее устное произнесение.

Тематически самиздатская составляющая высоко-петровского архива делится на две неравные части: 1) копии литургических, богослужебных текстов и последований; 2) копии произведений аскетической направленности. Интересно, что вторых и по числу наименований, и по количеству сохранившихся экземпляров гораздо больше, чем первых, хотя, казалось бы, должно было быть наоборот – литургические тексты как более востребованные и тиражироваться должны были бы активнее.

Объяснить такой дисбаланс можно по-разному. С одной стороны, можно предположить, что копии литургических текстов использовались более интенсивно, быстрее приходили в негодность и в силу этого попросту не дошли до нас. С другой стороны, можно представить себе обратную ситуацию и предположить, что в рассматриваемый период

Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2018. С. 49–53; Беглов А.Л. Тайные монашеские общины советского периода. Проблемы типологии // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2022. Вып. 108. С. 126–151.

² Беглов А.Л. Архив тайных монашеских общин Высоко-Петровского монастыря: история формирования и состав // Исторический курьер. 2023. № 2 (28). С. 59–73. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-2-05.pdf> (дата обращения: 03.02.2024).

старые богослужебные книги были еще доступны и поэтому реже тиражировались рукописным или другим самиздатским способом³. Наконец, можно сделать и третье предположение, заключающееся в том, что в рассматриваемом нами кругу читателей аскетические тексты были более востребованы, чем литургические. На практике действовали, скорее всего, все три названных нами фактора, и сказать, какой из них был ведущим, сегодня затруднительно. Впрочем, ниже мы увидим, что повышенное внимание к аскетической письменности в петровских общинах, безусловно, имело место.

В высоко-петровском архиве до нас дошли следующие тексты литургического самиздата. Это рукописный молитвенник карманного формата (80 на 55 мм) с молитвами к причащению (от молитвы «Пред дверьми храма...» до конца правила к причащению), благодарственными молитвами по причащении, молитвой за родных, молитвой Иисусу сладкому и страдающему, молитвой Царице Небесной пред иконою «Умиления» с тропарем этой иконе и еще несколькими неозаглавленными молитвами, часть из которых отсутствует в стандартных молитвословах (рис. 1).

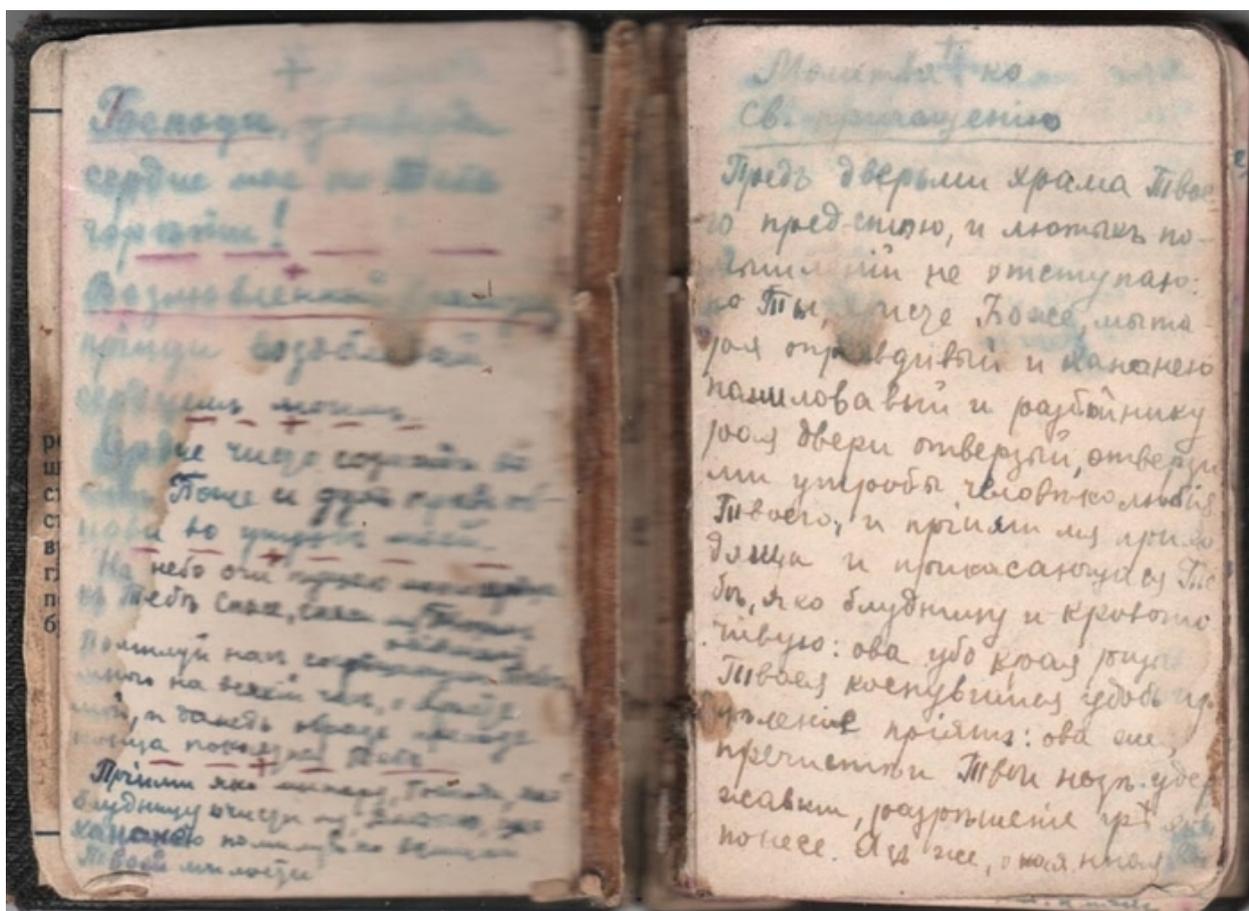

Рис. 1. Молитвослов П.В. Протопоповой. Второй разворот. 1927 г.

Этот молитвенник принадлежал П.В. Протопоповой и был составлен и переписан предположительно ею при участии епископа Варфоломея (часть молитв написана его рукой) в конце 1920-х гг. (около 1927 г.). Следующий документ – машинописная копия с рукописной правкой епископа Варфоломея (Ремова) конца 1920-х гг. молитвенного правила Зосимовой пустыни, принадлежавшая ее сестре монахине Евгении (Протопоповой). Рукописная копия богослужебных канонов ряда церковных праздников (Рождества Христова, Антипасхи, Пятидесятницы, всех святых, в земле Российской просиявших), воскресных антифонов восьми гласов, а также стихир и канона святителю Варсонофию

³ Ср.: [Кравецкий А.Г.] Литургический самиздат советского времени // Кравецкий А., Потехина Е. Минеи: образец гимнографической литературы и средство формирования мировоззрения православных. Olsztyn, 2013. С. 29–32.

Казанскому была сделана монахиней Игнатией (Пузик) в общей тетради в линейку в 1929 г. (дата «28 января 1929 г.» стоит на первой странице тетради)⁴. Примечательно, что в этой рукописи содержится самая ранняя дошедшая до нас копия канона всем святым, в земле Российской просиявшим (рис. 2). Также монахиней Игнатией ориентировочно в 1939 г. в блокноте была сделана рукописная копия акафиста святому Игнатию Богоносцу. Оба текста были сделаны переписчиком для себя. На это, в частности, указывает выбор святых, богослужебные тексты в честь которых были скопированы: имя святителя Варсонофия монахиня Игнатия носила в рясофоре, в честь Игнатия Богоносца она была пострижена в мантию 2 января 1939 г. Среди ее бумаг сохранился также рукописный акафист Кресту Господню карманного формата (105 на 70 мм), изготовленный неустановленным лицом, с дарственной надписью «на молитвенную память дорогой Валентине Ильиничне» (мирское имя монахини Игнатии). Наконец, среди богослужебных текстов высоко-петровского архива есть рукописное последование монашеского пострига, предположительно принадлежавшее иеромонаху Феодору (Богоявленскому) либо архимандриту Зосиме (Нилову). В петровских общинах существовало правило, согласно которому перед постригом новопостригаемый должен был переписать для себя последование, чтобы быть с ним знакомым и отчасти заучить наизусть⁵.

Несмотря на то, что часть названных нами текстов точно, а другая часть предположительно была сделана их редакторами и переписчиками для личного пользования, они или их части могли в дальнейшем копироваться и/или передаваться другим членам общины, что позволяет квалифицировать их как тексты самиздата (определение самиздата, на которое мы опираемся, см. ниже). С другой стороны, с уверенностью подтвердить или опровергнуть такое функционирование упомянутых текстов на настоящем этапе не представляется возможным.

Аскетические произведения в петровском архиве также можно разделить на два блока: 1) тексты, скопированные с печатных изданий или иных рукописных оригиналов, происхождение которых не связано с высоко-петровскими общинами; 2) тексты, которые появились внутри самих этих общин. Причем вторая группа по числу дошедших до нас копий самая многочисленная. Но начнем характеристику аскетического самиздата с первой группы.

К ней относятся пять текстов. Это «Повесть о преподобном отце нашем Елисее, зело полезна» – рукописная копия повествования из церковно-славянского Пролога от 27 фев-

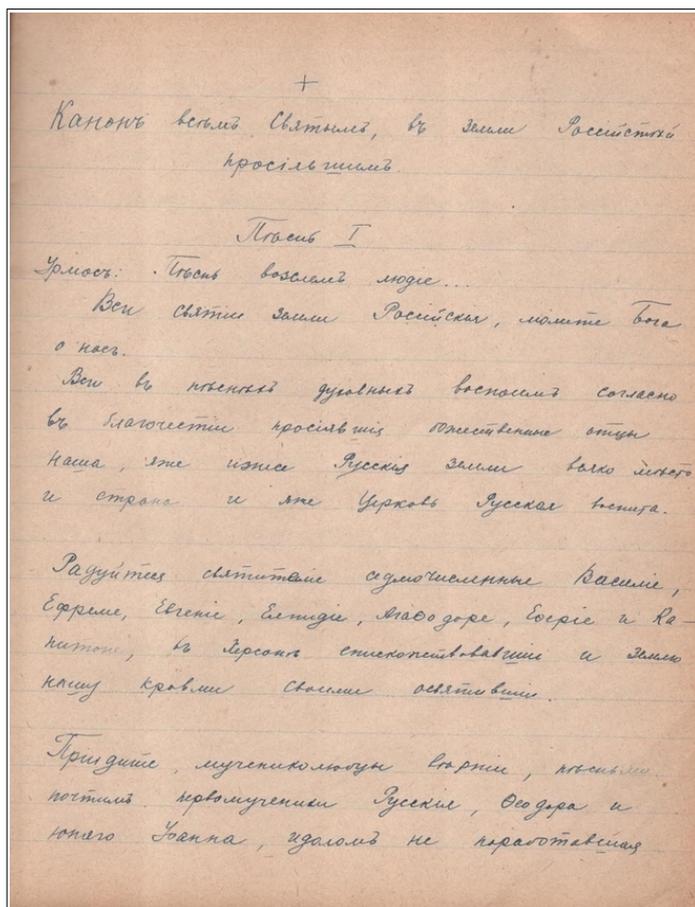

Рис. 2. Рукописная копия канона Всем святым, в земле Российской просиявшим, выполненная рясофорной монахиней Варсонофией (Пузик) (в мантии – Игнатией). 1929 г.

⁴ В конце тетради помещена цитата из творений святого Симеона Солунского (XIV–XV вв.) о значении пострига в схиму. Это та цитата, которую архимандрит Игнатий показывал игумену Герману и иеромонаху Алексию, тем самым невольно подтолкнув их к постригу в схиму. См. об этом: Игнатия, мон. Старчество в годы гонений. Преподобномученик Игнатий (Лебедев) и его духовная семья. М., 2001. С. 56.

⁵ Помимо названных литургических текстов, в составе высоко-петровского архива до нас дошла коллекция нотных рукописей монахини Евпраксии (Трофимовой), члена петровской общины, регента нескольких московских храмов. Об этой коллекции в настоящем обзоре мы говорить не будем.

раля, сделанная, скорее всего, с издания 1895 г.⁶ (рис. 3). Она выполнена пером фиолетовыми чернилами, гражданским начертанием по старой орфографии, почерком, близким к каллиграфическому, в тетради в линейку. Сохранность тетради средняя: у нее отсутствует обложка, на листах видны следы интенсивного использования (потертости краев). «Повесть» дошла до нас в единственном экземпляре в составе документов монахини Ксении (Поповой), хранившихся в архиве ее духовной сестры монахини Игнатии (Пузик). Причем копия была сделана неизвестным лицом: почерки монахини Ксении и монахини Игнатии известны нам по их письмам и они не совпадают с почерком переписчика «Повести».

В собрании монахини Серафимы (Кавелиной) сохранилось «Поучение о послушании в Бозе почившего отца нашего и пустынножителя Зосимы Верховского предавшимися ему по Бозе в духовное окормление сестрам общежительной Троице-Одигитриевой пустыни, устроенной им самим».

Преподобный Зосима (Верховский) (1768–1833) – подвижник конца XVIII – первой трети XIX в., прошел школу общежительного монашества в монастыре на Коневском острове Ладожского озера, затем пустынножительствовавал в Сибири, где вокруг него собрался круг последователей, преимущественно женщин. В 1818–1824 гг. преподобный Зосима попытался создать в Сибири женскую общежительную общину, но из-за внутренних неурядиц этот опыт оказался неудачным. В 1825 г. старец с группой верных ему сестер перебрался под Москву, где положил начало женской Троице-Одигитриевой Зосимовой пустыни⁷.

«Поучение о послушании» – главный аскетический труд старца Зосимы. Он был опубликован только в 2006 г., но еще до революции получил распространение в списках. К моменту публикации этого произведения были известны четыре таких рукописных списка – из книжного собрания Троице-Сергиевой лавры, из библиотеки скита Оптиной пустыни и, вероятно, из скриптория Троице-Одигитриевой пустыни. По мнению публикатора произведения, эти списки представляют две его редакции, отличающиеся композицией⁸. В высоко-петровском архиве находится еще одна, машинописная, копия этого творения, принадлежавшая епископу Варфоломею (Ремову), а возможно, и выполненная по его заказу.

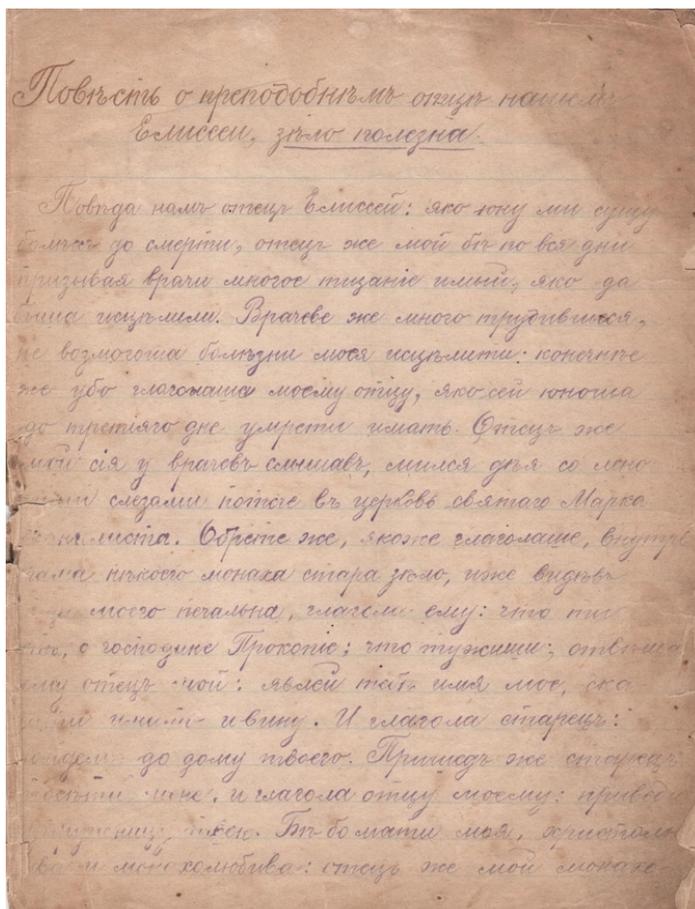

Рис. 3. Копия «Повести о преподобном отце нашем Елисе...»

⁶ Пролог. Книга первая. Месяцы септемврий – февруарий. СПб.: Синодальная типография, 1895. Л. 408–410 об.

⁷ Житие и подвиги в Бозе почившего блаженной памяти старца схимонаха Зосимы, его изречения и извлечения из его сочинений: в 2 ч. М., 1889; *Зосима Верховский, преподобный старец*. Творения. Сергиев Посад, 2006; *Зосима (Верховская), мон.* Женская Зосимова пустынь. Исторический очерк. М., 2008; *Беглов А.Л.* Туринская трагедия. Кризис в монашеской общине преподобного Зосимы (Верховского) 1818–1827 гг. // Альфа и Омега. 2009. № 3 (56). С. 111–143; 2010. № 1 (57). С. 148–174.

⁸ Об истории текста «Поучения» см.: *Зосима Верховский, преподобный*. Творения... С. 221–228. Сам текст произведения см.: Там же. С. 229–374. О литературном наследии преподобного Зосимы см.: *Зосима (Верховская), мон.* Женская Зосимова пустынь... С. 99–117.

Это машинопись формата 280 на 225 мм на 99 страницах с небольшой рукописной правкой, выполненная по правилам старой орфографии на бумаге с филигранью «Jyväskylä⁹ LINEN BANK». Текст этой копии соответствует второй редакции «Поучения». Затруднительно сказать, когда именно была выполнена эта копия. Нижнюю границу ее изготовления можно отнести к началу 1910-х гг., ко времени учебы будущего епископа Варфоломея в Московской духовной академии и его окормления у строителя Зосимовой пустыни игумена Германа (Гомзина). Между тем копия могла быть выполнена и в послереволюционные годы. Переплет ее был изготовлен не ранее 1921 г., года рукоположения архимандрита Варфоломея во епископы. Он выполнен из картона и обклеен двумя видами ткани (один из них, возможно, атлас). На лицевой стороне переплета гладью вышита монограмма *ЕВ*, т.е. «епископ Варфоломей» (рис. 4). На титуле машинописи пером фиолетовыми чернилами сделана владельческая подпись: † *Е<пископ> В<арфоломей>* (рис. 5).

В двух общих тетрадах в линейку в черном коленкоровом переплете в петровском архиве собрано духовное наследие схиархимандрита Гавриила (Зырянова, 1844–1915), известного подвижника начала XX в. Обе тетради на титульном листе имеют заголовок «Письма Схи-Архимандрита Гавриила». Копии выполнены от руки фиолетовыми чернилами по правилам старой орфографии одним почерком. В одной из этих тетрадей переписаны письма сестрам Марфо-Мариинской обители милосердия (рис. 6), в том числе великой княгине Елизавете Феодоровне (всего семь писем), а затем скопированы его проповеди по изданию «Поучения и слова старца иеросхимонаха Гавриила» (Казань, 1-е издание – 1900, 2-е издание – 1902). Во второй тетради скопированы письма разным неназванным лицам (21 письмо). При этом если проповеди схиархимандрита Гавриила были переписаны с печатного издания, указанного в самой копии, то его письма насельницам Марфо-Мариинской обители скопированы с неизвестного протографа и сегодня известны только по этой копии¹⁰.

Копии эти были сделаны, скорее всего, для духовника высоко-петровской общины

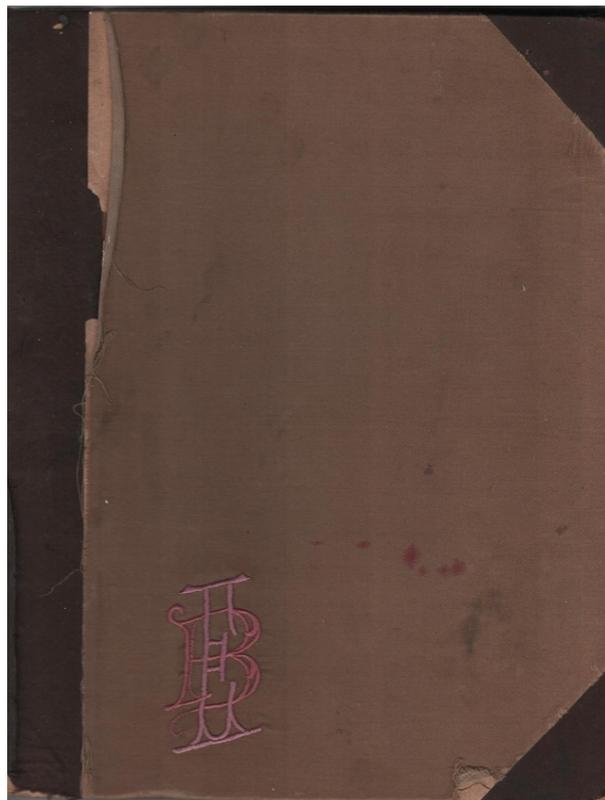

Рис. 4. Обложка «Поучения о послушании...» преподобного Зосимы (Верховского) с вышитой монограммой епископа Варфоломея

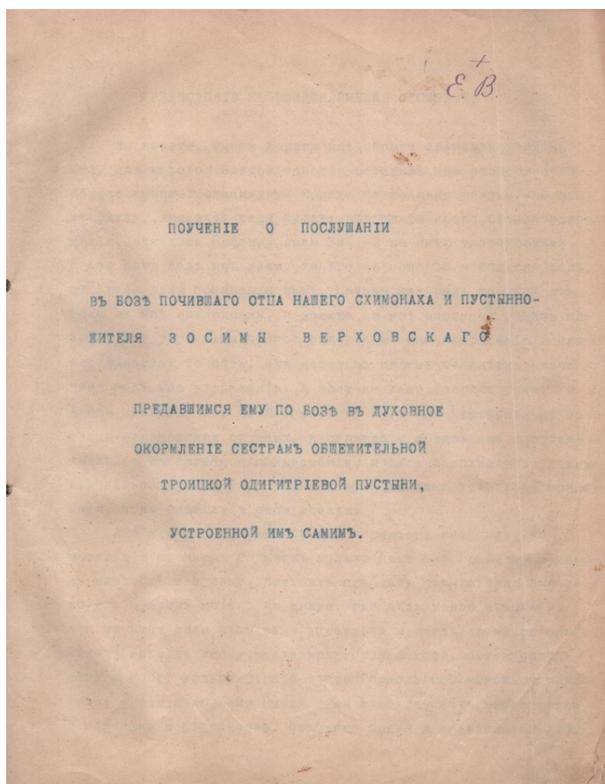

Рис. 5. Титульный лист «Поучения о послушании...» преподобного Зосимы (Верховского) из архива высоко-петровских монашеских общин

⁹ Ювяскюля – город в Центральной Финляндии.

¹⁰ См.: Из писем преподобного Гавриила (Зырянова) насельницам Марфо-Мариинской обители // Игнатия, мон. Старчество на Руси. М., 1999. С. 188–213.

архимандрита Игнатия (Лебедева), который обращался за духовными наставлениями к старцу Гавриилу в период своей учебы в Казани в 1903–1908 гг. Переписчик не всегда придерживался правил старой орфографии, из чего можно заключить, что копия сделана в послереволюционное время, с большой вероятностью в период жизни отца Игнатия в Москве, между 1924 и 1934 гг. В этот период духовник петровской общины мог установить контакт с кем-то из сестер Марфо-Мариинской обители или их окружения, хранивших письма схиархимандрита Гавриила.

В собрании документов монахини Игнатии (Пузик) до нас дошли два блокнота в зеленых обложках на металлических спиралях, в которые машинописью скопированы письма И.И. Троицкого (1828–1897), духовного наставника и писателя XIX в. (всего 41 письмо). На титулах обоих блокнотов помещен заголовок: «Собрание писем великого раба Божия Ивана Ивановича Троицкого. 1882 г. Тетрадь I» (во втором блокноте – «Тетрадь II»). Копия сделана с издания «Собрание писем великого раба Божия Ивана Ивановича Троицкого. С приложением краткого его жизнеописания и двух портретов» (Шамордино, 1913. Вып. I), а дата на титуле блокнотов указывает на время написания писем (рис. 7). Письма перепечатаны с учетом новой орфографии предположительно в 1950-е гг. (среди документов монахини Игнатии есть еще один аналогичный описанным блокнот, записи в котором датированы 1957–1958 гг.).

Примыкает к самиздату аскетической направленности анонимный текст «Водительство Духа Божия в деле спасения (по святоотеческому разумению)», сохранившийся в высокопетровском архиве в бумагах монахини Игнатии (Пузик) в двух экземплярах – рукописном и машинописном (оба по размеру близки к формату А4). Причем рукописный экземпляр представляет собой второй оттиск рукописи, сделанный с помощью копировальной бумаги. Источник этого текста установить пока не удалось. Возможно, это работа, защищенная кем-то из членов петровских общин в тайной духовной академии¹¹. Если это так, то отнесение этих текстов именно к категории самиздата может оказаться под вопросом.

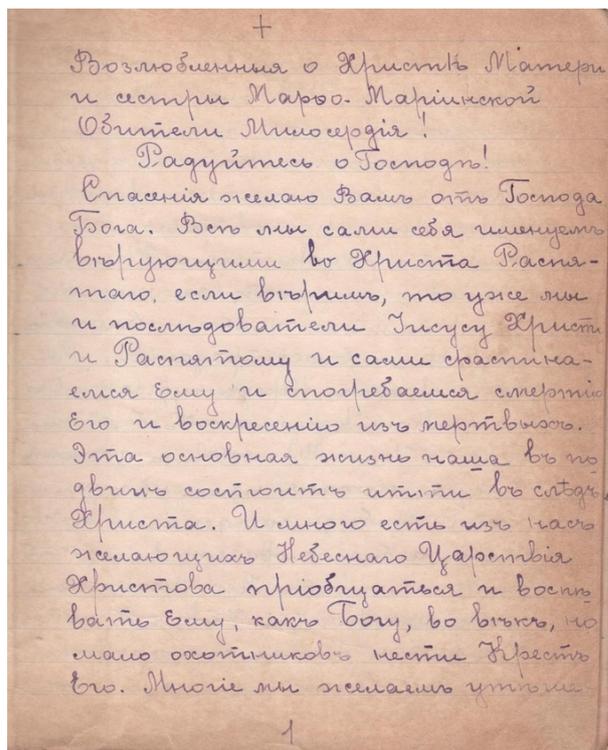

Рис. 6. Копия первого письма схиархимандрита Гавриила (Зырянова) сестрам Марфо-Мариинской обители

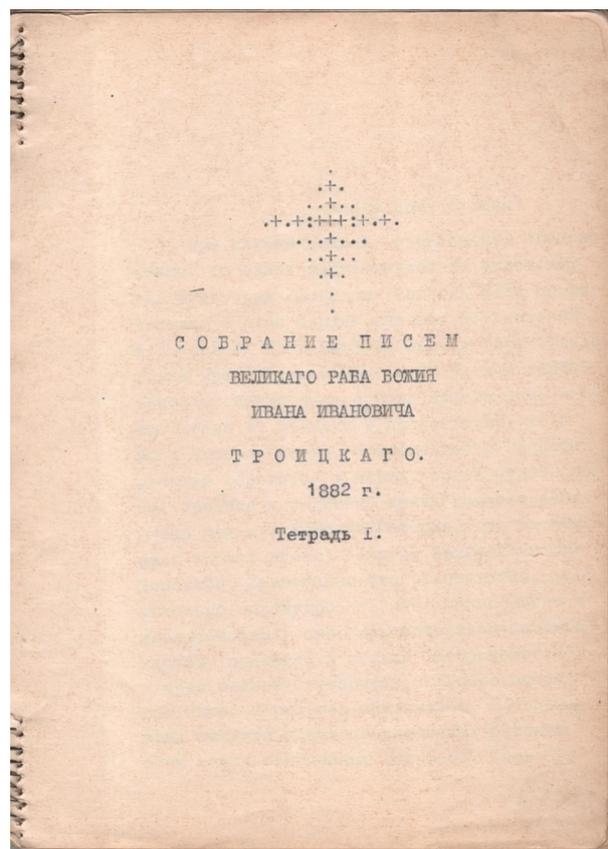

Рис. 7. Титульный лист первого блокнота с письмами И.И. Троицкого

¹¹ Об этом см.: Беглов А.Л. Православное образование в подполье: страницы истории // Альфа и Омега. 2007. № 3 (50). С. 153–172; Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб»... С. 55–62.

Большинство названных выше текстов аскетического самиздата, «внешних» для зосимовско-петровской традиции, в высоко-петровском архиве встречается в одном экземпляре. Совсем по-другому обстоит дело с произведениями, созданными в рамках самой этой традиции. Это проповеди архиепископа Варфоломея (Ремова), настоятеля храмов Петровского монастыря, его автобиография и сборники его изречений, письма из заключения самого известного духовника высоко-петровской общины схиархимандрита Игнатия (Лебедева), воспоминания о старцах Зосимовой пустыни епископа Арсения (Жадановского).

Самым распространенным текстом церковного самиздата в высоко-петровском архиве является проповедь епископа Варфоломея «В 4-ю годовщину по кончине старца схиигумена Германа»¹². Эта проповедь была произнесена 17 января 1927 г. в день памяти схиигумена Германа (Гомзина) – строителя Зосимовой пустыни, устроителя монашеской жизни в этой обители, фактического основателя зосимовско-петровской аскетической традиции. Отец Герман был духовным наставником самого епископа Варфоломея и схиархимандрита Игнатия (Лебедева), почитаемым старцем в высоко-петровских общинах.

В петровском архиве находится шесть экземпляров этой проповеди, сохранившихся в трех фондах (личных архивах трех тайных постриженниц петровских отцов). Два машинописных списка, авторизованных епископом Варфоломеем, находятся в фонде монахини Серафимы (Кавелиной). Это вторая или третья машинописная закладка, выполненная на листах 346 на 216 мм с двух сторон. На одном экземпляре на его первой и второй страницах стоят выполненные фиолетовыми чернилами рукописные монограммы $\dagger E<пископ> B<арфоломей>$. На другом – такая же монограмма стоит под текстом на второй странице, а на первой перед текстом епископом Варфоломеем от руки вписано название проповеди (рис. 8). В фонде Л. Воронец хранится машинописный список проповеди, сделанный на трех листах 288 на 205 мм, сложенных пополам и сшитых в тетрадь. В фонде сестер Протопоповых сохранилось три списка: один – машинописный, тождественный по своим характеристикам второму списку из фонда монахини Серафимы¹³, и два рукописных: один из них – в тетради, где собраны еще несколько проповедей епископа Варфоломея, второй – на отдельных листах, незаконченный.

Названная проповедь – классический самиздатский текст и по характеру своего исполнения, и по широкому распространению в разных духовных семьях. Помимо этого текста, в петровском архиве сохранились копии еще шести проповедей епископа

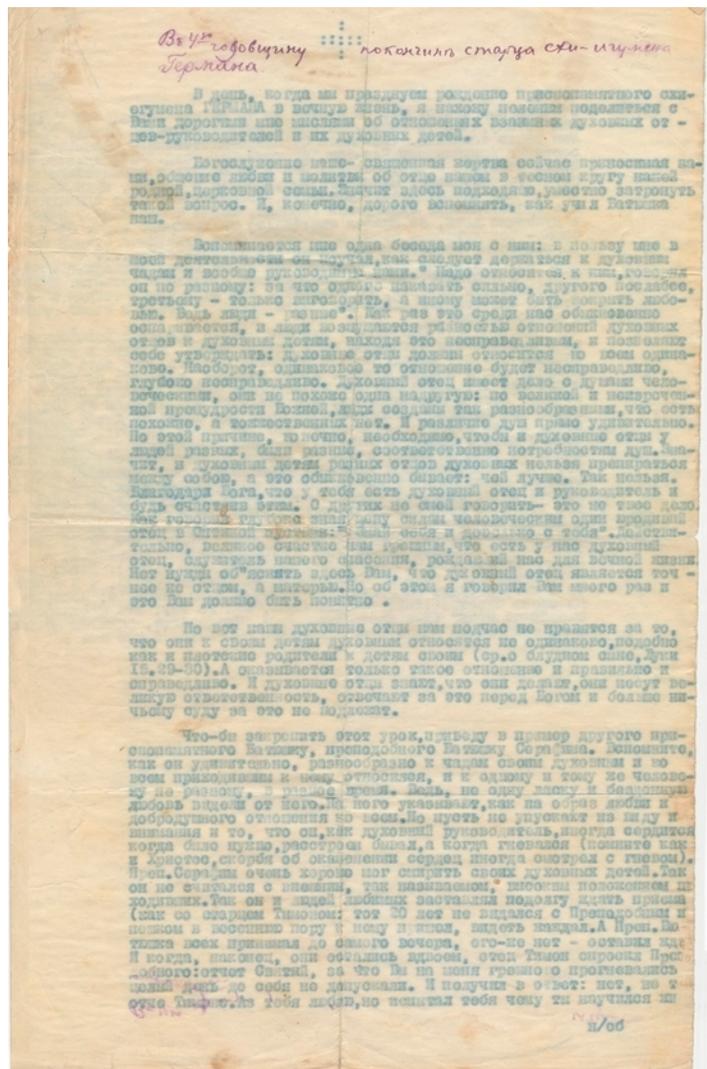

Рис. 8. Первая страница одного из списков проповеди епископа Варфоломея «В 4-ю годовщину по кончине старца схиигумена Германа»

¹² Опубликовано: *Варфоломей (Ремов), архиеп.* Из духовного наследия // Альфа и Омега. 1998. № 4 (18). С. 119–133.

¹³ Также на этом экземпляре (на левом поле первой страницы) присутствует помета, сделанная рукой епископа Варфоломея: $\dagger M<онахине> E<вгени>$.

Варфоломея 1926–1933 гг. Это «Слово в сороковой день по кончине старца Алексия (Соловьева)», «Слово на отпевании архимандрита Мелхиседека (Лихачева)», «Слово по пострижении монаха Германа (Полянского)», «Слово по пострижении монахини Евгении (Протопоповой)», «Слово о самоукорении», «Слово на отпевании девицы Ольги Протопоповой»¹⁴. Все они дошли до нас в составе фонда П.В. Протопоповой, но некоторые из них (например, проповедь на постриге монахини Евгении (Протопоповой)) сохранились в двух рукописных экземплярах – черновом и чистовом.

Нам представляется, что уже это явный признак подготовки их к самиздатскому тиражированию. Впрочем, как мы отметили выше, и единственная копия проповеди также может интерпретироваться как памятник самиздата, поскольку первым, авторским, «экземпляром» проповеди является ее устное произнесение. Вместе с тем проповеди главы петровской общины явно готовились к тиражированию, так как, по воспоминаниям, они стенографировались его учениками, например архимандритом Германом (Полянским). Следовательно, практически чистовой текст копии П.В. Протопоповой является результатом расшифровки первоначальной записи и редактуры, т.е. как минимум третьим экземпляром каждого упомянутого текста.

Помимо проповедей, в фондах В.Я. Козловой и монахини Игнатии (Пузик) до нас дошли две машинописные копии незаконченной автобиографии епископа Варфоломея, также читавшейся членами общин¹⁵.

Отдельный блок среди произведений зосимовско-петровской традиции представляют собой сборники изречений епископа Варфоломея. В фондах монахини Игнатии, В.Я. Козловой и Л. Воронец мы находим машинописные копии поучений епископа Варфоломея, оформленные как несколько связанных текстов, идентичных по своему составу, и отдельный текст, оформленный как патерик с характерным заголовком «Авва сказал» (рис. 9), разбитый далее на тематические блоки («О жизни и смерти», «О молитве», «О самоукорении» и т.п.). В фондах монахини Серафимы (Кавелиной), К.А. Калошиной, П.В. Протопоповой есть рукописные копии этих изречений, а в фондах Л. Воронец и монахини Серафимы (Кавелиной) – тематические подборки изречений (часть из них датированные), из которых позднее составлялись упомянутые выше сборники и патерик (рис. 10). Именно последние и являются памятниками самиздата, проходившими через многократное тиражирование.

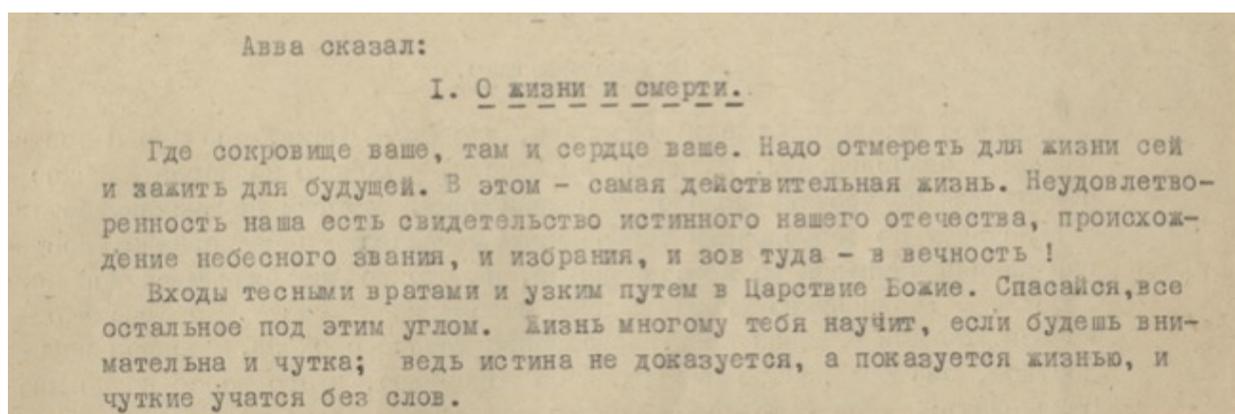

Рис. 9. Верхняя часть первой страницы Патерика, составленного из изречений епископа Варфоломея

¹⁴ Варфоломей (Ремов), архиеп. «Мы владеем всерадостной тайной». Слово о пастырях и учениках: [Слово при наречении во епископа; Памяти иеросхимонаха Алексия (Соловьева); Слово на отпевании архимандрита Мелхиседека] // Альфа и Омега. 2000. № 1 (23). С. 87–108; Варфоломей (Ремов), архиеп. «Благоговетный путь». Слово о духовном восхождении: [Слово по пострижении монахини Евгении; Слово по пострижении монаха Германа; Слово о самоукорении; Слово на отпевании Ольги Протопоповой] // Альфа и Омега. 2000. № 2 (24). С. 146–159.

¹⁵ Варфоломей (Ремов), архиеп. Письма и автобиография // Альфа и Омега. 1996. № 2/3 (9/10). С. 353–378. Анализ этого текста см. в: Беглов А. Человек и история в эпоху катастрофы. Саморефлексия руководителя тайных монашеских общин 1920–1930-х гг. // Вера и личность в меняющемся обществе. Автобиографика и православие в России конца XVII – начала XX в. М., 2019. С. 340–358.

Таким образом, на примерах из высоко-петровского архива мы можем наблюдать путь, который прошли классические тексты монашеской письменности: от фиксации отдельных изречений из проповедей, писем и ответов на «откровение помыслов», через систематизацию их в тематических подборках, к финальным текстам составленным из изречений поучений, в том числе оформленных как патерик. Наблюдая за этой эволюцией, мы можем понять, какой путь прошли самые ранние образцы монашеской письменности, собранные в сборниках «изречений святых старцев» (ἀποφθέγματα τῶν ἁγίων ὑερόντων)¹⁶.

В части внимания к слову духовного наставника к самиздатским проповедям и сборникам изречений епископа Варфоломея близки подборки писем из заключения схиархимандрита Игнатия (Лебедева). Он был с 1924 г. заместителем епископа Варфоломея) и духовником с самой большой паствой; в 1935 г. он был арестован и приговорен к пяти годам заключения, в 1938 г. скончался в инвалидном лагере в районе города Алатырь в Чувашии. До нас дошло около ста писем архимандрита Игнатия времени его заключения. Эти письма бережно хранились его духовными детьми. В 1940-е гг. духовная дочь отца Игнатия монахиня Игнатия (Пузик) сделала с них рукописную копию, благодаря которой до нас дошли тексты семи писем, позднее утраченных¹⁷. Еще чуть позже также монахиней Игнатией была сделана сокращенная копия, в которую вошли уже лишь избранные изречения из этих писем. Другие копии с лагерных писем отца Игнатия нам неизвестны, скорее всего их и не было, а в кругу его почитателей имел хождение единственный экземпляр подборки избранных изречений. Однако все говорит о том, что письма из заключения почти стали самиздатским текстом, во всяком случае были для этого подготовлены.

Промежуточное положение между самиздатом аскетической направленности, посторонним по отношению к зосимовско-петровской традиции и родившимся в ее недрах, занимают воспоминания епископа Серпуховского Арсения (Жадановского, 1874–1937). Машинописная копия их фрагментов, посвященных зосимовским старцам игумену Герману (Гомзину) и иеросхимонаху Алексию (Соловьеву), находится в фонде монахини Игнатии (Пузик).

Епископ Арсений не был членом высоко-петровских общин, но причастен к зосимовской аскетической традиции, поскольку в период обучения в Московской духовной академии

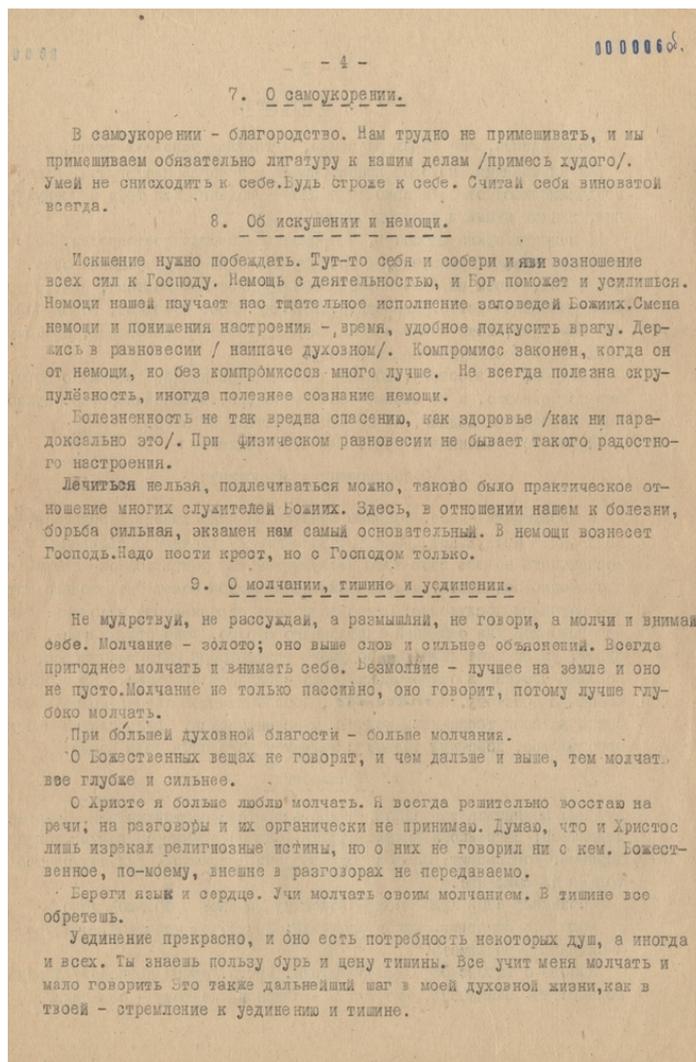

Рис. 10. Четвертая страница Патерика, составленного из изречений епископа Варфоломея

¹⁶ Подробнее см.: Беглов А.Л. Аскетическая письменность эпохи гонений как система маргиналий // Альфа и Омега. 2009. № 1 (54). С. 119–133; Беглов А.Л. Архив тайных монашеских общин Высоко-Петровского монастыря: история формирования и состав... С. 59–73.

¹⁷ Наиболее полную публикацию этого памятника см.: Игнатий (Лебедев), схиархимандрит. Письма из заключения // Игнатия, мон. Старчество на Руси. М., 1999. С. 214–315.

обращался за руководством к зосимовским наставникам – игумену Герману (Гомзину) и иеросхимонаху Алексию (Соловьеву). С зосимовскими старцами и их учениками он поддерживал отношения и позднее, в пору своего служения в Чудовом монастыре Московского Кремля, где сначала был казначеем, а потом наместником в 1903–1918 гг. Местом служения епископа Арсения объясняется его наименование в заголовке нашей машинописи: «епископ Арсений Чудовской». Время ее изготовления установить пока не представляется возможным. Есть вероятность, что она была сделана позднее 1950-х гг., поскольку воспоминания епископа Арсения были распространены в послевоенном церковном самиздате¹⁸.

Завершая обзор церковного самиздата в архиве тайных монашеских общин Высоко-Петровского монастыря, поразмышляем о том, чего нет, но что могло бы быть в этом архиве. Представляется, что в этом архиве отсутствуют (хотя могли бы в нем находиться) *произведения церковной публицистики 1920–1930-х гг.* Здесь нет ни записки соловецких епископов 1926 г., ни полемических материалов вокруг преемства церковной власти 1927–1931 гг., ни других подобных произведений. При этом мы знаем, что у членов общин возникали вопросы, связанные с церковными нестроениями того периода. Именно ответам на эти вопросы посвящена записка епископа Варфоломея с изложением его слова при наречении в епископа, дошедшая до нас в единственном экземпляре в фонде сестер Протопоповых. Также отзвук церковно-политических дискуссий мы слышим в его Слове на отпевании архимандрита Мелхиседека (Лихачева).

Отсутствие материалов церковной полемики тех лет в нашем архивном собрании можно, как представляется, объяснить двояко. С одной стороны, это может говорить о том, что этих документов в петровском архиве не было. Члены общин могли не читать, не копировать и не хранить их по разным причинам: по аскетическим (углубляться в церковную полемику не нужно для спасения) или по соображениям безопасности (опасно хранить такие документы). В таком случае мы должны сделать вывод, что вся публицистика, которую мы знаем по собранию М.Е. Губонина, носила элитарный характер¹⁹.

С другой стороны, можно предположить, что такие материалы в высоко-петровском архиве находились и тиражировались, но были выделены в отдельное собрание, которое формировалось особым образом, отдельно от личных архивов членов общин, хранилось в особом режиме и было утрачено целиком. О наличии такого собрания говорила в своих воспоминаниях монахиня Серафима (Кавелина)²⁰. Она рассказывала, что, по указанию епископа Варфоломея, молодой постриженник петровских общин, духовный сын архимандрита Игнатия (Лебедева) иеродиакон Филарет (Безруков) собирал передаваемые ему документы, характеризующие деятельность Московской патриархии. После ареста в 1935 г. отца Филарета это собрание хранилось постриженницами отца Игнатия, но следы этих документов были потеряны в конце 1950 – начале 1960-х гг. Впрочем, проверить этот рассказ пока не представляется возможным.

¹⁸ *Арсений (Жадановский), епископ.* Воспоминания. М., 1995. С. 66–103.

¹⁹ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943. М., 1994. Как ни парадоксально, тексты, связанные с церковной полемикой 1920–1930-х гг., сегодня чаще выявляются в заграничных архивных собраниях («Пражском архиве», Архиве Ватикана, архивах Русской Православной Церкви за границей). См.: *Косик О.В.* Источники личного происхождения по новейшей истории Русской Православной Церкви. По материалам документов конца 1920-х – начала 1930-х гг. // *Алчущие правды: материалы церковной полемики 1927 г.* М., 2010. С. 96–110; *Косик О.В.* Голоса из России: Очерки сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е – начало 1930-х гг.). М., 2011. Это наталкивает на мысль, что по крайней мере часть из них представляла собой «самиздат для тамиздата», т.е. текст, предназначенный для передачи за границу. Более поздние примеры такого рода см.: *Белякова Н.А.* Самиздат для тамиздата, или Как Холодная война повлияла на развитие нового жанра православного самиздата // *Acta samizdatica / Записки о самиздате: альманах.* М., 2020. Вып. 5. С. 77–91; *Белякова Н.А., Емельянов К.С.* Духовные поиски, тамиздат и самиздат в условиях Холодной войны: судьба Зои Крахмальниковой // *Электронный научно-образовательный журнал «История».* 2016. Т. 7. Вып. 9 (53). URL: <http://history.jes.su/s207987840001597-5-1> (дата обращения: 03.02.2024).

²⁰ О.А. Кавелина (рясофорная монахиня Серафима) (1916–2006), устное сообщение конца 1990-х гг. автору статьи.

Как мы видели, самиздатские тексты в архиве тайных монашеских общин Высоко-Петровского монастыря включают в себя шесть памятников литургического самиздата. Все они сохранились в нашем документальном собрании в единственном экземпляре. Многие из них изготавливались их составителями для личного пользования, но при этом несут на себе следы коллективного творчества (правка епископа Варфоломея, дописанные им фрагменты).

Другая категория самиздатских текстов, обозначенная нами как самиздат аскетической направленности, представляет собой произведения авторитетных духовных авторов, их наставления в путях духовной, прежде всего монашеской жизни. В них обсуждаются актуальные для тайных постриженников проблемы: как понимать послушание, какими должны быть отношения с духовным руководителем, этапы духовного восхождения, вопросы молитвенного делания и др. В данном архиве хранятся пять произведений аскетической направленности, созданных вне высоко-петровских общин. Эти памятники отражают круг чтения носителей зосимовско-петровской традиции и указывают на персоналии почитаемых ими руководителей прошлого – монаха Зосимы (Верховского), И.И. Троицкого, схиархимандрита Гавриила (Зырянова).

При этом, как отмечалось выше, самая многочисленная и по числу наименований, и по числу сохранившихся копий категория самиздатских текстов была создана внутри петровских общин и характеризует литературную деятельность их наставников. В этой категории до нас дошли семь проповедей архиепископа Варфоломея (Ремова), причем одна из них – в ряде копий, рассеянных по собраниям учениц разных духовников, а также четыре блока текстов, так или иначе построенных на изречениях петровских отцов. Эти произведения отражают саморефлексию зосимовско-петровской традиции, выразившуюся в повышенном внимании к опыту ее основателей и носителей: старцев Зосимовой пустыни и наиболее авторитетных руководителей высоко-петровской общины.

Таким образом, формирование фонда самиздата в архиве тайных монашеских общин Высоко-Петровского монастыря носило *прагматический характер*: в него вошли богослужебные тексты и аскетические произведения, т.е. то, что нужно для повседневной жизни инока. Тем самым в подборе произведений для чтения проявлялся принцип *аскетической прагматики*, который хорошо прослеживается и в других поведенческих практиках членов этих общин, например в выборе места работы или учебы²¹. Самая востребованная часть самиздата рождалась *внутри общин* и внутри них циркулировала, выходила ли она за их пределы, пока остается неизвестным. Этот внутриобщинный самиздат *рождался в контексте аскетических монашеских практик*, повышенного внимания к слову духовных наставников, выработанного навыком «откровения помыслов». Так, из исповедания помыслов появились сборники изречений и патерик.

Насколько правомочно использование понятия *самиздат* для характеристики описанных нами текстов?

Дискуссия о феномене самиздата и его границах ведется достаточно давно, но нельзя сказать, что она близка к завершению. Важный вклад в осмысление этого феномена внесли обсуждения на страницах периодического издания «Acta samizdatica / Записки о самиздате». Однако рассмотренный материал не вполне укладывается в очерченные в рамках этого обсуждения границы. Прежде всего, это границы хронологические.

Когда речь идет о самиздате, как правило, имеется в виду период 1950–1980-х гг. Е.Н. Струкова, исследователь самиздата и один из организаторов дискуссий о нем, высказывалась в этом отношении довольно категорично: «Нижнюю хронологическую границу, на наш взгляд, определяет XX съезд КПСС, а верхняя граница – это перестройка. Условно: от стенограммы речи Н. Хрущева на XX съезде КПСС до стенограммы речи Б. Ельцина в октябре 1987 г. на Пленуме ЦК КПСС»²². В некоторых случаях исследователи обращаются

²¹ Беглов А.Л. Церковное подполье в СССР в 1920–1940-х гг.: стратегии выживания // Одиссей. Человек в истории. 2003. М., 2003. С. 78–104; Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб»... С. 82–88.

к материалу предвоенного периода²³. Между тем расширение хронологических рамок существования феномена самиздата на весь советский период пока не стало общепринятым, хотя такого рода подход и предлагался некоторыми участниками дискуссий²⁴.

Мы солидаризуемся с последними и считаем возможным говорить о самиздате применительно ко всему советскому периоду. Условия для его появления, как нам кажется, сформировались в 1918 г. В течение этого года новой властью были национализированы все типографии, и среди первых в январе 1918 г. – типографии церковные.

С другой стороны, А.Ю. Даниэль предложил различать самиздат и «кружковую литературу», т.е. тексты, растиражированные самиздатским способом, но обращавшиеся в более или менее узком кружке читателей²⁵. Казалось бы, члены высоко-петровских общин как раз и составляли такой относительно замкнутый круг, следовательно, имевшие хождение внутри него тексты не могут быть отнесены к самиздату. Однако само разграничение самиздата и «кружковой литературы» нам представляется сомнительным. Можем ли мы быть уверены, что тексты, имевшие хождение внутри кружка, не выходили за его пределы? Или же мы просто (по крайней мере пока) не имеем об этом сведений?

Кроме того, можем ли мы с необходимой научной точностью дать определение понятию «кружок»?

Высоко-петровские общины – хороший пример для обсуждения этой проблемы. С одной стороны, они могут рассматриваться как относительно замкнутый кружок. С другой стороны, в него входило около 200 тайных постриженников и не менее тысячи более или менее постоянных прихожан²⁶. Причем к созданию и тиражированию внутриобщинного самиздата имели отношение как монахи, так и миряне (среди последних – упоминавшиеся Л. Воронец и П.В. Протопопова). То есть потенциальный круг читателей этих текстов составлял от 200 до тысячи и более человек. Достаточное ли это число, чтобы квалифицировать обращавшиеся внутри общин тексты как тексты самиздата, а если нет, то какой минимальный круг читателей для этого требуется? В конце концов, читательская аудитория самиздата различных типов (правозащитного, религиозного, эзотерического и т.п.) и в позднесоветскую эпоху пересекалась далеко не всегда, а значит была относительно замкнутой, но это не превращает соответствующие типы самиздата в «кружковую литературу».

Если суммировать основные элементы различных определений самиздата, которые давались в ходе дискуссий, то его можно определить как форму общественной самоорганизации советского периода, направленной на преодоление монополии на средства тиражирования (выразившейся, например, в национализации типографий) и/или на преодоление идейной монополии (выразившейся, например, в цензуре). Причем в этой общественной самоорганизации задействована цепочка акторов: автор, издатель (тот, кто переписал или перепечатал, отредактировал, скомпоновал в сборник), распространитель (тот, кто хранил и передал) и читатель²⁷.

²² Струкова Е.Н. Самиздат как памятник книжной культуры второй половины XX в. // Acta samizdatica / Записки о самиздате: альманах. Пилотный выпуск. М., 2012. С. 12.

²³ Гордеева И.А. Самиздат «толстовцев» 1920 – начала 1930-х гг. // Acta samizdatica / Записки о самиздате: альманах. М., 2013. Вып. 1. С. 199–209.

²⁴ См.: Сокращенная стенограмма заседания Круглого стола (3 марта 2014 г.) «Что такое самиздат?» // Acta samizdatica / Записки о самиздате: альманах. М., 2015. Вып. 2 (3). С. 10–38.

²⁵ Сокращенная стенограмма заседания Круглого стола (3 марта 2014 г.) «Что такое самиздат?»... С. 21–22.

²⁶ Подсчеты сделаны нами, см.: Беглов А.Л. Архиепископ Варфоломей (Ремов): Argumentum advocati Dei. Настоятель Высоко-Петровского монастыря по материалам архивов его прихожан... С. 222–240.

²⁷ Сокращенная стенограмма заседания Круглого стола (3 марта 2014 г.) «Что такое самиздат?»... С. 10–38 (реплики Н.В. Котрелева, Б.В. Дубина, М.Д. Афанасьева, В.В. Игрунова). Следствием технической и интеллектуальной монополии становился дефицит даже тех произведений, которые вышли в свет вполне официально, но стали библиографической редкостью. Они также начинали тиражироваться в самиздате (ср.: Там же (реплика М.Д. Афанасьева)). В послевоенный период в такой ситуации часто оказывались произведения художественной литературы, а в церковном самиздате довоенного периода – литургические тексты, которые перестали переиздаваться в советское время. Впрочем, и в послевоенный период самиздатские «Молитвословы» тиражировались с большим размахом.

В свете такого понимания примеры 1920–1930-х гг. (тексты, обращавшиеся в кругу толстовцев или рассмотренные в этой статье) безусловно относятся к самиздату. Более того, церковный самиздат в целом предстает перед нами как самый ранний пример самиздата советской эпохи²⁸. Церковная письменность 1920–1930-х гг. после национализации церковных типографий и в условиях отсутствия легальных периодических изданий²⁹ развивалась именно в форме самиздата³⁰. Она была довольно разнообразна по составу, что мы и видели на примере самиздата высоко-петровских общин. Характерное для послевоенного самиздата разнообразие принципов, по которым формировались читательские аудитории, имело место и здесь: многие тексты были распространены в сообществах, сформировавшихся либо по территориальному принципу (например, в пределах одной или нескольких соседних епархий), либо вокруг духовных наставников. К последнему типу относится письменное наследие высоко-петровских общин, но также, например, и проповедническое или публицистическое наследие таких пастырей, как Валентин Свенцицкий или Сергей Мечев. Особую нишу занимали церковно-публицистические тексты, посвященные государственно-церковным отношениям и внутрицерковной полемике тех лет³¹.

То обстоятельство, что довоенный самиздат, в том числе церковный, в значительно меньшей степени дошел до нас, чем самиздат «классического» периода 1950–1980-х гг., объясняется вовсе не отсутствием этого феномена в довоенный период, а преследованиями, страхом перед репрессиями (и опасениями хранить такие тексты), утратой памятников самиздата в силу значительного промежутка времени, прошедшего с той поры. Мы можем также допустить, что самиздат 1920–1930-х гг. опять же в силу преследований и страха перед ними имел более узкую аудиторию, однако значительное расширение аудитории послевоенного самиздата не означает появление принципиально нового явления, а только открытие новой страницы в истории самиздата советской эпохи.

Литература

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / сост. М.Е. Губонин. М.: Изд-во Православ. Свято-Тихонов. богослов. ин-та, Братство во имя Всемилоуемого Спаса, 1994. 1063 с.

Алчущие правды: материалы церковной полемики 1927 г. / сост., авт. вступ. ст. свящ. А. Мазырин, О.В. Косик. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. 422, [1] с.

²⁸ Ср.: Косик О.В. Источники личного происхождения по новейшей истории Русской Православной Церкви... С. 96–97; [Кравецкий А.Г.] Литургический самиздат советского времени... С. 29–32. Возможно, вторым по очередности возникновением в советскую эпоху был самиздат оппозиционных большевикам политических партий и левой оппозиции. См.: Савенко Е.Н. Ранний «самиздат» Сибири (20-е – 30-е гг. XX в.) // Acta samizdatica / Записки о самиздате: альманах. М., 2015. Вып. 2 (3). С. 39–52; Беленкин Б.И. Неподцензурные тексты, размножавшиеся и распространявшиеся группами левой оппозиции в СССР (1927–1929 гг.) в архиве ФСБ РФ // Acta samizdatica / Записки о самиздате: альманах. М., 2015. Вып. 2. С. 53–75.

²⁹ В этот период периодические издания сохранялись у обновленцев. В патриаршей церкви в 1931–1935 гг. выходил официальный «Журнал Московской патриархии».

³⁰ Религиозный самиздат в целом и церковный самиздат в частности реже попадают в поле исследователей, чем другие категории самиздата. Но даже когда это происходит, основное внимание ученых направлено, как правило, на памятники религиозного самиздата послевоенного времени. См.: Долгушин Д.В. Рукописная традиция Русской Православной Церкви 1950–1970-х гг. (на примере коллекции из архива церкви Всех святых, в земле Русской просиявших, новосибирского Академгородка) // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. Новосибирск, 2015. С. 469–475; Белякова Н.А., Емельянов К.С. Духовные поиски, тамиздат и самиздат в условиях Холодной войны...; Афанасьев М.Д. Распространение религиозной литературы в эпоху позднего СССР // Acta samizdatica / Записки о самиздате: альманах. М., 2018. Вып. 4. С. 194–211; Белякова Н.А. Самиздат для тамиздата... С. 77–91; Gordeeva I. Christian Samizdat on Religious Seeking of the Soviet Countercultural Youth in the 1970s to Mid 1980s // Mikeskin I. (ed.) Eight Essays on Russian Christianities. St. Petersburg, 2020. P. 79–107; Мартин Б. «Мы перепечатывали все...»: Православный самиздат и тамиздат в СССР в 1970-е – 1980-е гг. // Acta samizdatica / Записки о самиздате: альманах. М., 2020. Вып. 5. С. 92–103.

³¹ См.: Алчущие правды: материалы церковной полемики 1927 г. М., 2010.

Арсений (Жадановский), епископ. Воспоминания. М.: Правосл. Св.-Тихоновский Богосл. Ин-т, 1995. 294 с.

Афанасьев М.Д. Распространение религиозной литературы в эпоху позднего СССР // Acta samizdatica / Записки о самиздате: альманах. М.: ГПИБ [и др.], 2018. Вып. 4. С. 194–211.

Беглов А.Л. Архиепископ Варфоломей (Ремов): Argumentum advocati Dei. Настоятель Высоко-Петровского монастыря по материалам архивов его прихожан // Церковь в истории России. М., 2003. Вып. 5. С. 222–240.

Беглов А.Л. Церковное подполье в СССР в 1920–1940-х гг.: стратегии выживания // Одиссей. Человек в истории. 2003. М., 2003. С. 78–104.

Беглов А.Л. Православное образование в подполье: страницы истории // Альфа и Омега. 2007. № 3 (50). С. 153–172.

Беглов А.Л. Аскетическая письменность эпохи гонений как система маргиналий // Альфа и Омега. 2009. № 1 (54). С. 119–133.

Беглов А.Л. Туринская трагедия. Кризис в монашеской общине преподобного Зосимы (Верховского) 1818–1827 гг. // Альфа и Омега. 2009. № 3 (56). С. 111–143; 2010. № 1 (57). С. 148–174.

Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2018. 352 с.

Беглов А. Человек и история в эпоху катастрофы. Саморефлексия руководителя тайных монашеских общин 1920–1930-х гг. // Вера и личность в меняющемся обществе. Автобиографика и православие в России конца XVII – начала XX в. М.: НЛЮ, 2019. С. 340–358. (Сер.: Studia Euroraea).

Беглов А.Л. Тайные монашеские общины советского периода. Проблемы типологии // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2022. Вып. 108. С. 126–151.

Беглов А.Л. Архив тайных монашеских общин Высоко-Петровского монастыря: история формирования и состав // Исторический курьер. 2023. № 2 (28). С. 59–73. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-2-05.pdf> (дата обращения: 03.02.2024).

Беленкин Б.И. Неподцензурные тексты, размножавшиеся и распространявшиеся группами левой оппозиции в СССР (1927–1929 гг.) в архиве ФСБ РФ // Acta samizdatica / Записки о самиздате: альманах. М.: ГПИБ [и др.], 2015. Вып. 2. С. 53–75.

Белякова Н.А. Самиздат для тамиздата, или Как Холодная война повлияла на развитие нового жанра православного самиздата // Acta samizdatica / Записки о самиздате: альманах. М.: ГПИБ [и др.], 2020. Вып. 5. С. 77–91.

Белякова Н.А., Емельянов К.С. Духовные поиски, тамиздат и самиздат в условиях Холодной войны: судьба Зои Крахмальниковой // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. Вып. 9 (53). URL: <http://history.jes.su/s207987840001597-5-1> (дата обращения: 03.02.2024).

Варфоломей (Ремов), архиеп. Письма и автобиография / подгот. текста, публ., вступ. заметка и примеч. А.Л. Беглова // Альфа и Омега. 1996. № 2/3 (9/10). С. 353–378.

Варфоломей (Ремов), архиеп. Из духовного наследия / подгот. текста, публ., вступит. ст. и примеч. А.Л. Беглова // Альфа и Омега. 1998. № 4 (18). С. 119–133.

Варфоломей (Ремов), архиеп. «Благоговейный путь». Слово о духовном восхождении: [Слово по пострижении монахини Евгении; Слово по пострижении монаха Германа; Слово о самоукорении; Слово на отпевании Ольги Протопоповой] / подгот. текста, публ., вступит. заметка и коммент. А.Л. Беглова // Альфа и Омега. 2000. № 2 (24). С. 146–159.

Варфоломей (Ремов), архиеп. «Мы владеем всерадостной тайной». Слово о пастырях и учениках: [Слово при наречении во епископа; Памяти иеросхимонаха Алексия (Соловьева); Слово на отпевании архимандрита Мелхиседека] / подгот. текста, публ., вступит. заметка и коммент. А.Л. Беглова // Альфа и Омега. 2000. № 1 (23). С. 87–108.

Гордеева И.А. Самиздат «толстовцев» 1920 – начала 1930-х гг. // Acta samizdatica / Записки о самиздате: альманах. М.: ГПИБ [и др.], 2013. Вып. 1. С. 199–209.

Долгушин Д.В. Рукописная традиция Русской Православной Церкви 1950–1970-х гг. (на примере коллекции из архива церкви Всех святых, в земле Русской просиявших, новосибирского Академгородка) // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. Новосибирск, 2015. С. 469–475.

Житие и подвиги в Бозе почившего блаженной памяти старца схимонаха Зосимы, его изречения и извлечения из его сочинений: в 2 ч. М., 1889. Ч. 1. 200 с.; Ч. 2. 85, III с.

Зосима (Верховская), мон. Женская Зосимова пустынь. Исторический очерк. М.: Паломник, 2008. 637, [1] с.

Зосима Верховский, преподобный старец. Творения / сост., предисл., подгот. текстов и коммент. Т.М. Судник. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006. 552 с.

Игнатий (Лебедев), схиархимандрит. Письма из заключения // Игнатия, мон. Старчество на Руси / подгот. текста, публ., предисл. и примеч. А.Л. Беглова. М.: Изд-во Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1999. С. 214–315.

Игнатия, мон. Старчество на Руси / подгот. текста, публ., предисл. и примеч. А.Л. Беглова. М.: Изд-во Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1999. (Б-ка журнала «Альфа и Омега»).

Игнатия, мон. Старчество в годы гонений. Преподобномученик Игнатий (Лебедев) и его духовная семья / подгот. текста, публ., предисл. и коммент. А.Л. Беглова. М.: Изд-во Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2001. (Б-ка журнала «Альфа и Омега»).

Косик О.В. Источники личного происхождения по новейшей истории Русской Православной Церкви. По материалам документов конца 1920-х – начала 1930-х гг. // Алчущие правды: материалы церковной полемики 1927 г. / сост., авт. вступит. ст. свящ. А. Мазырин, О.В. Косик. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. С. 96–110.

Косик О.В. Голоса из России: Очерки сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е – начало 1930-х гг.). М.: Издательство ПСТГУ, 2011. 200 с.

[Кравецкий А.Г.] Литургический самиздат советского времени // Кравецкий А., Потехина Е. Миней: образец гимнографической литературы и средство формирования мировоззрения православных. Olsztyn: Zakład Poligraficzny Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie, 2013. С. 29–32.

Мартин Б. «Мы перепечатывали все...»: Православный самиздат и тамиздат в СССР в 1970-е – 1980-е гг. // Acta samizdatica / Записки о самиздате: альманах. М.: ГПИБ [и др.], 2020. Вып. 5. С. 92–103.

Савенко Е.Н. Ранний «самиздат» Сибири (20-е – 30-е гг. XX в.) // Acta samizdatica / Записки о самиздате: альманах. М.: ГПИБ [и др.], 2015. Вып. 2 (3). С. 39–52.

Сокращенная стенограмма заседания Круглого стола (3 марта 2014 г.) «Что такое самиздат?» // Acta samizdatica / Записки о самиздате: альманах. М.: ГПИБ [и др.], 2015. Вып. 2 (3). С. 10–38.

Струкова Е.Н. Самиздат как памятник книжной культуры второй половины XX в. // Acta samizdatica / Записки о самиздате: альманах. Пилотный выпуск. М.: ГПИБ [и др.], 2012. С. 7–13.

Gordeeva I. Christian Samizdat on Religious Seeking of the Soviet Countercultural Youth in the 1970s to Mid 1980s // Mikeschin I. (ed.) Eight Essays on Russian Christianities. St. Petersburg: Saint Petersburg Center for the History of Ideas. Politekhnik Service, 2020. P. 79–107.

References

Afanas'ev, M.D. (2018). Rasprostranenie religioznoy literatury v epohu pozdnego SSSR [Dissemination of Religious Literature in the Late Soviet Era]. In *Acta samizdatica / Zapiski o samizdате: al'manah*. Moscow, GPIB [i dr.]. Iss. 4, pp. 194–211.

Arseniy (Zhadanovskiy), bishop. (1995). *Vospominaniya* [Memories]. Moscow, Pravosl. Svyto-Tikhonovskiy Bogoslovskiy Institut. 294 p.

Beglov, A.L. (Publ.). (1996). Varfolomey (Remov), archbishop. *Pis'ma i avtobiografiya* [Letters and Autobiography]. In *Al'fa i Omega*. No. 2/3 (9/10), pp. 353–378.

Beglov, A.L. (Publ.). (1998). Varfolomey (Remov), archbishop. Iz dukhovnogo naslediya [From the Spiritual Heritage]. In *Al'fa i Omega*. No. 4 (18), pp. 119–133.

Beglov, A.L. (Publ.). (2000). Varfolomey (Remov), archbishop. “Blagogoveynny put’”. Slovo o dukhovnom voskhozhdenii [Slovo po postrizhenii monakhini Evgenii; Slovo po postrizhenii monakha Germana; Slovo o samoukorenii; Slovo na otepevanii Ol'gi Protopopovoi] [“Reverent Path” A Word on Spiritual Ascent: [A word on the Tonsure of Nun Eugenia; Word on the Tonsure of Monk Herman; A Word about Self-Reproach; Word at the Funeral Service of Olga Protopopova]]. In *Al'fa i Omega*. No. 2 (24), pp. 146–159.

Beglov, A.L. (Publ.). (2000). Varfolomey (Remov), archbishop. (2000). “*My vladeem vsera-dostnoy taynoy*”. Slovo o pastyryakh i uchenikakh [“We Own an All-Joyous Secret”. A Word about Pastors and Disciples]. In *Al'fa I Omega*. No. 1 (23), pp. 87–108.

Beglov, A.L. (2003). Arhiepiskop Varfolomey (Remov): Argumentum advocati Dei. Nastoyatel' Vysoko-Petrovskogo monastyrya po materialam arhivov ego prihozhan [Archbishop Bartholomew (Remov): Argumentum Advocati Dei. Abbot of the Vysoko-Petrovsky Monastery According to the Archives of Its Parishioners]. In *Tserkov' v istorii Rossii*. Moscow. Iss. 5, pp. 222–240.

Beglov, A.L. (2003). Tserkovnoe podpol'e v SSSR v 1920–1940-kh gg.: strategii vyzhivaniya [Church Underground in the USSR in the 1920–1940s: Survival Strategies]. In *Odissei. Chelovek v istorii*. 2003. Moscow, pp. 78–104.

Beglov, A.L. (2007). Pravoslavnoe obrazovanie v podpol'e: stranitsy istorii [Orthodox Education in the Underground: Pages of History]. In *Al'fa i Omega*. No. 3 (50), pp. 153–172.

Beglov, A.L. (2009–2010). Turinskaya tragediya. Krizis v monasheskoy obshchine prepodobnogo Zosimy (Verhovskogo) 1818–1827 gg. [The Turin Tragedy. Crisis in the Monastic Community of the Venerable Zosima (Verkhovsky) 1818–1827]. In *Al'fa i Omega*. No. 3 (56), pp. 111–143; No. 1 (57), pp. 148–174.

Beglov, A.L. (2009). Asketicheskaya pis'mennost' epokhi gonenykh kak sistema marginaliy [Ascetic Writing of the Era of Persecution as a System of Marginalia]. In *Al'fa i Omega*. No. 1 (54), pp. 119–133.

Beglov, A.L. (2018). *V poiskakh “bezgreshnykh katakomb”*. Tserkovnoe podpol'e v SSSR [In Search of “Ideal Church Catacombs”. The Church Underground in the USSR]. Moscow. 352 p.

Beglov, A.L. (2019). Chelovek i istoriya v epokhu katastrofy. Samorefleksiya rukovoditelya taynykh monasheskikh obshchin 1920–1930-kh gg. [Man and History in the Epoch of Catastrophe. Self-Reflection of the Leader of Secret Monastic Communities of the 1920–1930s]. In *Vera i lichnost' v menyayushchemsya obshchestve. Avtobiografika i pravoslavie v Rossii kontsa XVII – nachala XX v*. Moscow, NLO, pp. 340–358. (Seriya: Studia Europaea).

Beglov, A.L. (2022). Taynye monasheskie obshchiny sovetskogo perioda. Problemy tipologii [Secret Monastic Communities of the Soviet Period. Problems of Typology]. In *Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. Iss. 108, pp. 126–151.

Beglov, A.L. (2023). Arkhiv taynykh monasheskikh obshchin Vysoko-Petrovskogo monastyrya: istoriya formirovaniya i sostav [Archive of Secret Monastic Communities of the Vysoko-Petrovsky Monastery: Formation History and Composition]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 2 (28), pp. 59–73. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER2023-2-05.pdf> (data of accessed 03.02.2024)

Belenkin, B.I. (2015). Nepodtsenzurnye teksty, razmnozhashiesya i rasprostranyavshiesya gruppami levoy oppozitsii v SSSR (1927–1929 gg.) v arhive FSB RF [Uncensored Texts Reproduced and Distributed by Left-Wing Opposition Groups in the USSR (1927–1929) in the Archive of the Federal Security Service of the Russian Federation]. In *Acta samizdatica / Zapiski o samizdate: al'manah*. Moscow, GPIB [i dr.]. Iss. 2, pp. 53–75.

Belyakova, N.A. (2020). Samizdat dlya tamizdata, ili Kak Holodnaya voyna povliyala na razvitie novogo zhanra pravoslavnogo samizdata [Samizdat for Tamizdat, or How the Cold War Affected the Development of a New Genre of Orthodox Samizdat]. In *Acta samizdatica / Zapiski o samizdate: al'manah*. Moscow, GPIB. Iss. 5, pp. 77–91.

Belyakova, N.A., Emelyanov, K.S. (2016). Duhovnye poiski, tamizdat i samizdat v usloviyah Holodnoy voyny: sud'ba Zoi Krahmал'nikovoy [Spiritual Quest, Tamizdat and Samizdat in the Cold War: The Fate of Zoya Krakhmalnikova]. In *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"*. Vol. 7, Iss. 9 (53). Available at: URL: <http://history.jes.su/s207987840001597-5-1> (date of access 03.02.2024).

Dolgushin, D.V. (2015). Rukopisnaya traditsiya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi 1950–1970-kh gg. (na primere kolleksii iz arkhiva tserkvi Vsekh svyatykh, v zemle Russkoy prosiyavshikh, novosibirskogo Akademgorodka) [Russian Russian Orthodox Church Handwritten Tradition of the 1950s–1970s (On the Example of the Collection from the Archive of the Church of All Saints, in the Land of the Russian Shining, Novosibirsk Akademgorodok)]. In *Religioznye i politicheskie idei v proizvedeniyakh deyateley russkoy kul'tury XVI–XXI vv.* Novosibirsk, pp. 469–475.

Gordeeva, I. (2020). Christian Samizdat on Religious Seeking of the Soviet Countercultural Youth in the 1970s to Mid 1980s. In *Mikeshin I. (ed.) Eight Essays on Russian Christianities*. St. Petersburg, Saint Petersburg Center for the History of Ideas, Politekhnik Service, pp. 79–107.

Gordeeva, I.A. (2013). Samizdat “tolstovtsev” 1920 – nachala 1930-h gg. [Samizdat “Tolstovites” of 1920 – early 1930s]. In *Acta samizdatica / Zapiski o samizdate: al'manah*. Moscow, GPIB [i dr.]. Iss. 1, pp. 199–209.

Gubonin, M.E. (Ed.). (1994). *Akty Svyateyshego Tihona, Patriarha Moskovskogo i vseya Rossii, pozdneyshie dokumenty i perepiska o kanonicheskom preemstve vysshey tserkovnoy vlasti, 1917–1943* [Acts of His Holiness Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia, Later Documents and Correspondence on the Canonical Succession of the Supreme Church Authority, 1917–1943]. Moscow, Izdatel'stvo Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo bogoslovskogo in-ta, Bratstvo vo imya Vsemilostivogo Spasa. 1063 p.

Ignatij (Lebedev), schema-monk archimandrite. (1999). Pis'ma iz zaklyucheniya [Letters from Prison]. In *Ignatiya, mon. Starchestvo na Rusi*. Podgotovka teksta, publikatsiya, predislovie i primechaniya A.L. Beglova. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo Podvor'ya Svyato-Troitskoy Sergievoy Lavry, pp. 214–315.

Ignatiya, nun. (1999). *Starchestvo na Rusi* [Eldership in Russia]. Podgotovka teksta, publikatsiya, predislovie i primechaniya A.L. Beglova. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo Podvor'ya Svyato-Troitskoy Sergievoy Lavry. 320 p. (B-ka zhurnala “Al'fa i Omega”).

Ignatiya, nun. (2001). *Starchestvo v gody gonenyi. Prepodobnomuchenik Ignatij (Lebedev) i ego dukhovnaya sem'ya* [Eldership during the Years of Persecution. The Venerable Martyr ignatius (Lebedev) and His Spiritual Family]. Podgotovka teksta, publikatsiya, predislovie i kommentarii A.L. Beglova. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo Podvor'ya Svyato-Troitskoy Sergievoy Lavry. 352 p. (B-ka zhurnala “Al'fa i Omega”).

Kosik, O.V. (2010). Istochniki lichnogo proishozhdeniya po noveyshey istorii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. Po materialam dokumentov kontsa 1920-kh – nachala 1930-kh gg. [Sources of Personal Origin on the Modern History of the Russian Orthodox Church. Based on Documents of the Late 1920s – Early 1930s]. In *Alchushchie pravdy: materialy tserkovnoy polemiki 1927 g.* Moscow, Izdatel'stvo PSTGU, pp. 96–110.

Kosik, O.V. (2011). *Golosa iz Rossii: Ocherki sbora i peredachi za granitsu informatsii o polozhenii Tserkvi v SSSR (1920-e – nachalo 1930-kh gg.)* [Voices from Russia: Essays on the Collection and Transmission Abroad of Information on the Situation of the Church in the USSR (1920s – early 1930s)]. Moscow, Izdatel'stvo PSTGU. 200 p.

[Kravetskiy, A.G.] (2013). Liturgicheskiy samizdat sovetskogo vremeni [Liturgical Samizdat of the Soviet Era]. In Kravetskiy, A., Potekhina, E. *Minei: obrazets gimnograficheskoy literatury i sredstvo formirovaniya mirovozzreniya pravoslavnykh*. Olsztyn, Zakład Poligraficzny Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie, pp. 29–32.

Martin, B. (2020). “My perepechatyvali vse...”: Pravoslavnyy samizdat i tamizdat v SSSR v 1970-e – 1980-e gg. [“We Reprinted Everything...”: Orthodox Samizdat and Tamizdat in the USSR in the 1970s–1980s]. In *Acta samizdatica / Zapiski o samizdate: al'manah*. Moscow, GPIB. Iss. 5, pp. 92–103.

Mazyrin, A, Kosik, O.V. (Eds.). (2010). *Alchushhie pravdy: materialy tserkovnoy polemiki 1927 g.* [Thirsty for Truth: Materials of the Church Polemics of 1927]. Moscow, Izdatel'svo PSTGU. 422, [1] p.

Savenko, E.N. (2015). Ranniy “samizdat” Sibiri (20-e – 30-e gg. XX v.) [Early “Samizdat” in Siberia (20s–30s of the 20th Century)]. In *Acta samizdatica / Zapiski o samizdate: al'manah*. Moscow, GPIB [i dr.]. Iss. 2 (3), pp. 39–52.

(2015). Sokrashchennaya stenogramma zasedaniya Kruglogo stola (3 marta 2014 g.) “Chto takoe samizdat? ” [Abridged Transcript of the Roundtable Meeting (3 March 2014) “What is Samizdat?”]. In *Acta samizdatica / Zapiski o samizdate: al'manah*. Moscow, GPIB. Iss. 2 (3), pp. 10–38.

Strukova, E.N. (2012). Samizdat kak pamyatnik knizhnoy kul'tury vtoroy poloviny XX v. [Samizdat as a Monument of Book Culture of the Second Half of the 20th Century]. In *Acta samizdatica / Zapiski o samizdate: al'manah. Pilotnyy vypusk*. Moscow, GPIB, pp. 7–13.

Sudnik, T.M. (Pobl.). Zosima Verhovskiy, elder. (2006). *Tvoreniya* [Collected Works]. Sergiev Posad, Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra. 552 p.

(1889). *Zhitie i podvigi v Boze pochivshogo blazhennoy pamyati startsa shimonaha Zosimy, ego izrecheniya i izvlecheniya iz ego sochineniy* [The Life and Exploits of the Deceased of Blessed Memory Sikhmonk Zosima, His Sayings and Extracts from His Writings]. V 2-kh chastyakh. Moscow, Part. 1. 200 p.; Part. 2. 85, III p.

Zosima (Verhovskaya), nun. (2008). *Zhenskaya Zosimova pustyn'. Istoricheskiy ocherk* [Women's Zosimova Hermitage. Historical Essay]. Moscow, Palomnik. 637, [1] p.